

Когда семья Чэн ещё жила в Шанхае, фабрика их отца обанкротилась, и он, не выдержав стресса, умер. Главная жена, столкнувшись с этой катастрофой, также покончила с собой. У семьи Чэн было четверо детей, и все они были от разных матерей. Чэн Мэйсинь, старшая дочь, на тот момент была всего восемнадцати лет, а под ней был брат и две младшие сестры. Мать Чэн Фэнтай, брата, была известной певицей Шанхая, но после рождения сына она не смогла привыкнуть к домашней жизни и вернулась в Гонконг, чтобы продолжить свою карьеру. Мать третьей сестры, Чача'эр, была уйгуркой, которую Чэн Мэйсинь почти не видела, и ходили слухи, что она уехала во Францию. Последней была четвёртая наложница, происходившая из бедной семьи, и четвёртая сестра, ещё младенец, а также слуги, няни и водители — всё это составляло большую семью.

Банк прислал людей, чтобы забрать все ценные вещи в доме в счёт долгов: пианино, серебряные изделия, электрические вентиляторы и даже мраморные раковины в саду — всё было изъято. Слуги, увидев это, начали увольняться. Чэн Мэйсинь, стоя у ворот сада, не позволяла никому уйти, крича изо всех сил:

— Вам заплатят в срок, так зачем уходить?

Но что она могла сделать? Чтобы сохранить дом и заплатить слугам, она стала высококлассной куртизанкой.

Чэн Мэйсинь не была красавицей среди богатых девушек Шанхая, но у неё был западный стиль: она говорила по-английски, носила европейскую одежду, умела кокетничать, наслаждаться жизнью и развлекаться. Но самое главное — она была старшей дочерью семьи Чэн, упавшим с небес фениксом, которым все хотели насладиться. Чэн Мэйсинь до сих пор помнила свой первый раз, который она провела с пожилым другом отца, которого она всегда называла дядей. Тогда она получила шесть тысяч юаней — шесть тысяч, что в прошлом было лишь суммой, которую её мать могла проиграть за вечер в маджонг, но теперь она должна была заплатить за это своей невинностью.

Чэн Мэйсинь до сих пор помнила, как она подавляла горечь и провела ночь, а утром, несмотря на боль и усталость, сделала крюк, чтобы купить каштановый торт в «Каислинге». В их семье всегда завтракали молоком и тортом, и теперь они тоже должны были это делать. Это было не из любви к братьям и сёстрам, а ради неё самой. Она не могла позволить себе потерять ни крупинки былой роскоши, и по сравнению с этим одна ночь казалась незначительной.

С тортом в руке Чэн Мэйсинь открыла дверь в столовую. Утренний свет, проникая через стеклянные окна, освещал фигуру Чэн Фэнтай, придавая его волосам и коже священный блеск. Он сидел за столом в белой рубашке, обняв няню Чача'эр. Его лицо прижалось к её груди, и он не двигался. Няня, казалось, получала от этого удовольствие, массируя его плечи и тихо стонала. Эта сцена была настолько эротичной, что глубоко задела Чэн Мэйсинь, уже измученную событиями прошлой ночи. Она стояла и смотрела на них, пока не поняла, что Чэн Фэнтай не занимался чем-то непристойным — он пил молоко!

Чача'эр, ещё маленькая, сидела рядом, свесив ноги, и бесстрастно смотрела на брата и няню, а затем обернулась к старшей сестре.

Чэн Мэйсинь дрожала от гнева. Она терпела и плакала, проводя ночи со стариками, а её единственный брат, вместо того чтобы помочь ей, пил молоко у няни! Этот бесстыдный негодяй! Неужели она продавала себя, чтобы он продолжал жить как барин? Нет уж, это было слишком просто!

Няня, заметив Чэн Мэйсинь, вскрикнула и убежала, прикрывая одежду. Чэн Фэнтай смущённо спрыгнул со стола, краснея, вытер молоко с губ рукавом:

— Сестра...

Чэн Мэйсинь сглотнула и с улыбкой поставила торт на стол, называя Чэн Фэнтая его английским именем:

— Эдвин, какой ты шалун. Ты уже большой, а всё ещё пьёшь молоко у няни. Ты голоден? Пусть приготовят сладкую овсянку, и все поедят торт.

За столом Чэн Мэйсинь обдумывала, как можно было бы продать брата и сестёр. Две сестры были слишком малы, чтобы их можно было продать, как бы они ни были красивы. А брат был действительно красив, даже красивее неё — но, к сожалению, он был мальчиком, и она не знала, какой богатый господин в Шанхае мог бы захотеть играть с мальчиком. Перебрав всех знакомых богачей на юге и севере, она наконец вспомнила о человеке на северной границе, который мог стать её спасителем.

Она взяла Чэн Фэнтая за руку и с мольбой в глазах сказала:

— Эдвин, я думаю... я думаю, что нужно вызвать твою невесту, мисс Фань, в Шанхай. Чтобы вы поженились.

Чэн Фэнтай нахмурился, едва не выплюнув молоко, и хлопнул рукой по столу:

— Ни за что!

Чэн Мэйсинь снова схватила его за руку:

— Сестра знает, что мисс Фань старше тебя на несколько лет и что она деревенская девушка. Когда отец предложил этот брак, я была на твоей стороне, помнишь? Но... но теперь всё по-другому, у меня просто нет выбора. У нас есть две младшие сестры, и этот дом. Если ты не женишься на ней, вся наша семья погибнет!

Чэн Фэнтай вскричал:

— Как я могу прожить всю жизнь с такой девушкой! Ты же знаешь! Она... у неё даже ноги

были забинтованы!

Слуги и четвёртая наложница, увидев ссору между братом и сестрой, уже увели детей, и в столовой остались только они двое. Чэн Мэйсинь молча плакала, понимая, что без решительных мер ничего не добиться. Она расстегнула пуговицу на груди, обнажив следы прошлой ночи, и со слезами на глазах сказала:

— Ты уже большой мальчик. Ты знаешь, откуда это? Ты знаешь, где я была прошлой ночью, с кем и что делала? О, мой дорогой, если бы я не пожертвовала собой, мы бы оказались на улице. Теперь твоя очередь, да?

Чэн Фэнтай почувствовал боль и сожаление, и больше не мог ничего сказать. На следующий год он женился на старшей дочери семьи Фань, ставшей второй госпожой Чэн. Семья Чэн возродилась, став ещё богаче, чем при отце.

Чэн Мэйсинь, съев последнюю дольку мандарина, подумала: «Если бы не мой умный план, у этих двух недостойных не было бы такой хорошей жизни». Она улыбнулась и сказала:

— Кажется, третья сестрёнка снова подросла. Почему она ещё не ходит в школу?

Чэн Фэнтай ответил:

— Чача'эр не ладит с другими, поэтому я нанял учителя для занятий дома. Через пару лет, когда она подрастёт, она пойдёт сразу в среднюю школу.

Вторая госпожа выпустила дым и лениво встала:

— Что хорошего в этих западных школах? Мальчики и девочки вместе дерутся. Даже если она закончит, семья Чэн не позволит третьей дочери работать, так какой в этом смысл? Лучше сэкономить.

Чэн Фэнтай не соглашался с аргументами второй госпожи, но не стал спорить, сказав:

— Посмотрим. Если Чача'эр захочет учиться, пусть учится. Если нет — вернётся, это не важно.

Чэн Мэйсинь, улыбаясь второй госпоже, сказала:

— Второй брат всё так же балует третью сестрёнку.

Вторая госпожа, глядя на мужа, улыбнулась.

На самом деле, у второй госпожи тоже было своё мнение о Шан Сижуне. В разговорах с мужем она несколько раз делилась этим мнением, и каждый раз оно немного менялось, но в целом сводилось к одному.

Ходили слухи, что когда Шан Сижуй ещё был в Пинъяне, он влюбился в свою старшую сестру по труппе, Цзян Мэнпин. Цзян Мэнпин в то время была известной актрисой, исполнявшей роли цинъю, и вместе с Шан Сижунем она возглавляла труппу «Терем Водных Облаков», захватившую театральный рынок Пинъяна. Позже Цзян Мэнпин, за спиной Шан Сижуня, нашла другого человека — третьего сына семьи Чан, Чан Чжисиня, который также был двоюродным братом по материнской линии второй госпожи.

Семья Чан была богатой и знатной, с множеством правил, и братья тайно боролись за наследство, доводя друг друга до крови. Чан Чжисинь, хотя и не был сыном главной жены, всё же мог получить значительную долю имущества, как только старый отец умрёт, и тогда он мог бы сбежать с Цзян Мэнпин и золотом. Однако, когда старик был уже на пороге смерти, их тайная связь была обнаружена кем-то из труппы, кто замыслил недоброе, и слухи быстро дошли до Шан Сижуня.

<http://bllate.org/book/15435/1368544>